

СОЗВЕЗДИЕ

страница литературы, искусства, культуры и морали

ПОЧТИ БЕЗЫМЯННЫЙ ГЕРОЙ

В Кирове продолжаются гастролы Тульского драматического театра

Как-то летом в начале курортного сезона на Черноморском побережье Кавказа мне довелось наблюдать двух отдыхающих дам. Одевались они сногшибательно — во все импортное, по утрам появлялись у кромки прибоа в адиасовских спортивных костюмах, одна в кипенно-белом, у другой костюм был цвета вороной стали. Дамы усиленно занимались физкультурой и прославились на весь дом отдыха фразой: «Вырвать бы у природы здоровье, все остальное мы купим».

Жили они и впрямь широко. Но вот молодости они купить не могли, а старость их не вызвала уважения потому, что рядилась не в свои одежды. Если бы деньги вопреки поговорке стали издавать запах, то у этой пары они пахли бы душно.

Мне казалось, что больше никогда не придется столкнуться с таким убожеством духа, выражаемым столь гротескно. Однако пришлось — в спектакле «Дефицит», поставленном по одноименному роману И. Щеголихина Тульским ордена Трудового Красного Знамени драматическим театром им. Горького (инсценировка и постановка главного режиссера театра В. Кондратьева).

И это не случайность, что духовно уродливые фигуры из повседневности отбросили свою тень в драматическое произведение. В них отразилась тенденция, успевающая дозреть до реальности. В спектакле это образ Катерины, которая одна стоит этих двух дам. Разве мы не встречаем в действительности вот таких молодых, но ранних прагматиков, которые готовы добиваться желаемого любой це-

ной, идти напролом, отмечающих совесть, порядочность, как старомодный хлам?

Лауреат премии Ленинского комсомола Н. Дружинина, надо сказать, не пощадила свою героиню, рисуя ее образ густыми угольными мазками. Но можем ли мы жаловаться, что уголь черен? Он стал таким, пройдя свой закономерный путь превращений. Еще двадцать лет назад подобный художественный образ объявили бы поклепом не только на молодежь, но и вообще на человека, гражданина нашего общества.

Что касается отца Катерины хирурга Малышева, то в нем не усмотрели бы ничего особенного. Хороший специалист, добросовестный, честный, не берет взяток, иными словами — порядочный человек. Сегодня автор и постановщики возводят его в ранг героя, и, как это часто и происходит с героем, свою убежденность, преданность избранной позиции он должен доказать ценой жизни. А ведь он просто порядочный человек!

Спектакль «Дефицит» — это своего рода социальный репортаж о некоторых представителях современного общества — о тех, чья позиция совпадает с жизненным кредо Малышева, и о тех, кто противостоит ему.

Какие силы одерживают в спектакле верх, ясно из финала, когда герою закрывают лицо белой простыней. В постановке имя его звучит, но слабо закрепляется в сознании, для нас он остался почти безымянным. Дело в том, что авторы как-то не сочли нужным на-

делить героя ярко выраженной индивидуальностью. Но вернемся к сценическому репортажу, о котором идет речь.

Прежде всего о его некоторых особенностях. В репортаже или статье пишущий особо важные слова имеет право выделять курсивом. Режиссер В. Кондратьев тоже широко пользуется подобным приемом. Все происходящее на сцене в наиболее острые моменты действия как бы закрепляется голосом за кадром, который повтором отдельных фраз акцентирует смысловые, доминирующие моменты спектакля. Прием этот не новый и при тактичном его употреблении вполне приемлемый, но когда, образно говоря, подобный курсив повторяется через каждые несколько строк, зритель невольно начинает думать о том, что режиссер сомневается в его умении понять очевидное.

Взаимное недоверие же не способствует взаимопониманию. Поэтому, наверное, кое-что из того, что режиссер и исполнители хотели сказать, зрители (не исключено, что и пишущий эти строки) не поняли, не расслышали внутреннего голоса, а посему скажем о том, что поняли и расслышали, что увидели.

В Тульском театре есть интересные, самоотверженные, думающие актеры. Несмотря на то, что у драматургического Малышева нет или почти нет характера, исполнитель, главной роли нар. арт. РСФСР Н. Казаков наделяет его жизненной силой. И кажется, что если бы авторы и постановщики дали

ему хоть малую реальную зацепку, то его герой не упал бы у телефонной будки, точно подкошенный пулей, а нашел бы в себе силы для жизни и продолжал бы идти прямой дорогой, да еще бы и расширил ее. Малышеву в исполнении Казакова тесно на больничной койке.

Говорят, что происшедший с героем случай имел место в реальной жизни, но сегодня ей, жизни, нужен уже такой герой, который сможет противостоять не только подлости, но и инфаркту, найдет силы.

Ведь даже у Телятникова (засл. арт. РСФСР В. Башкин), заболевшего от страха перед начальственной грозой, которая может грянуть над его головой, количественное накопление сил постепенно переходит в качественное, что актер убедительно и показывает. Вообще это очень хорошая, добротная работа аналитического плана. Запомнилась, как отмеченная печатью неординарности, и работа лауреата премии комсомола Тульской области М. Матвеева в роли Григоренко.

Ясно расслышали мы в спектакле и его публицистическую ноту, в ней-то и заключено его основное достоинство. Это нота тревоги за нравственное здоровье современника, и сегодня она звучит особенно актуально еще потому, что именно на внимание к человеку, к его внутреннему миру, на необходимость учитывать человеческий фактор нацеливают нас решения XXVII съезда партии.

Вот театр и ведет такой раз-

говор, иногда, может быть, с переборами. Наш герой оказался как бы в вакууме, ему не на кого опереться. Но, если бы писатель и постановщики поискали опору для Малышева в жизни, то смогли бы найти ее не в псевдоромантическом образе Аллы Павловны, вся история с которой кажется надуманной, а в реальных людях, хотя бы в таких, как Григоренко, Телятников. Пусть эти опоры и сами порой колеблются — люди есть люди, но как часто друзья поднимают нас на поверхность из омуты сомнений силой своего участия, чуткости, бескорыстия.

Прав был Александр Сергеевич Пушкин, когда воскликнул: «Что за прелесть эти сказки!» На самом деле — прелесть. И еще — сколько в них мудрости. В сказке всегда или почти всегда добро побеждает зло. У наших же писателей или драматургов часто счастливый конец считается немодным. Может быть, если бы создатели данной пьесы не отдали дань моде, то не пришлось бы закрывать хирургу Малышеву лицо белой простыней в финале, и мы бы все-таки успели разглядеть его характер борца. Право, этого хотелось. Хотелось в жизни и литературе, искусстве встречать людей духовно состоятельных, сильных и побеждающих, а не побежденных обстоятельствами или самой смертью.

Тогда в поисках вот такого доброго конца и художник спектакля Т. Матус убрала бы с переднего плана сверкающую стеклянными «очами» «скорую помощь» и раздвинула горизонты нашего видения.

Л. СМЕРНОВА.